

Мой друг Гена Ахматов

Педагогическое поприще отличника – выпускника Ивановского художественного училища Юрия Васильевича Павлова началось в школе № 17 на улице Ленина (сейчас там музыкальная школа). Юный педагог сразу выделил молчаливого очкарика Гену из подозрительной ватаги, собирающейся в подвале жилого дома напротив. Вот судьба: именно в этом здании через много лет осядет детская художественная школа с бессменным директором Ю.В. Павловым, а в первой половине 1950-х Гена Ахматов (1940–1965) станет одним из его первых изостудийцев.

Наверняка мы с Геной подружались гораздо раньше того, как наши восьмые классы «Г» и «Д» стали соседствовать в школе № 3 (до этого мы учились в разных школах). На переменах мы встречались уже как «коллеги», посвящённые в святое братство изостудийцев Дворца пионеров. В рисовании мы оба увлекались литературными и историческими сюжетами. И я каждый раз поражался зрительной памяти Геннадия: рыцарь ли, крестоносец, новгородский ли смерд, немецкий ли офицер – любой персонаж сразу изображался им со всей присущей атрибутикой одежды и образа. У меня же всё это было слишком приблизительно. Да и сюжеты у него обычно бывали «взрослее» наших: например, возвышающийся над толпой Мефистофель в бурно развевающимся плаще – не гётевский, а шалыпинский, со своими громовыми, издевательскими куплетами. Или Годунов, отшатнувшийся от призрака младенца Дмитрия...

Я часто бывал у него в первом этаже двухэтажного углового домика на углу Бебеля и Матросова. Изредка видел загадочного дядю Федю, отца Гены (он работал в КГБ), молчаливого и изредка подтрунивающего над нами. А ещё были брат с сестрой и хлопотунья-мать, тётя Зина. В маленькой квартирке они жили дружно и, как мне казалось, даже весело. Гена унаследовал отцовский незлобивый юмор. Со школьных лет помню

Угол улиц Бебеля и Матросова. Справа дом, где на 1-м этаже жили Ахматовы. Акв. 1954–1955

начало его пародии на лермонтовского «Демона»: «Печальный Демон, дух изгнания, / На профсоюзном был собрании. / Его честили там за то, / Что он не надевал пальто. / Прикрывши крылышком свой срам, / Он на трибуну вышел сам...»

Будучи ровесником, Гена в самом деле казался старше. Кумиром его в живописи был малопонятный для нас Поль Гоген. А сколько он уже успел прочитать! Героев Купера и Джека Лондона сменяли неунывающий Остап Бендер с Кисой Воробьяниновым, и во время перемены на классной доске возникали перипетии этого весёлого романа: от отца

Фёдора, взывающего со скалы, до позорного бегства «гроссмейстера» из Васюков. Меня доньше удивляет его умение несколькими безошибочными линиями передать слегка шаржированное (а потому и более острое) сходство. Как-то, ещё школьниками, ждали мы в фойе кинотеатра «Пионер» начало киносеанса, и Гена, достав тетрадку, молниеносно изобразил Льва Толстого, засунувшего под пояс огромные кисти рук, и Лермонтова в бурке, с огромными печальными глазами. Оказывается, и на великих возможны шаржи! Я не раз потом пытался по памяти нарисовать то же самое, но ТАК, как у Гены, не получилось ни разу.

В юности он дружил с Мариной Митропольской. Помню, как меня впечатлил его рисунок авторучкой, изображающий её профиль на фоне чего-то лесного: во-первых, рисунок по памяти – и с полным сходством; во-вторых, это была совершенно законченная графическая композиция...

Марина Митропольская
(ныне матушка Магдалина).
Б., чернила, перо. Конец 1950-х

Здесь приведены его почти крошечные этюды маслом со сторонами в 10 или чуть более сантиметров. И каждый – это законченный пейзажный образ. Зимний солнечный день с четырьмя соснами на высоком крутом холме. Задумчивое утреннее поле с перелеском и ветряной мельницей вдали. Автопортрет, где Гена поразительно похож на писателя Юрия Трифонова. А как скупы и точны краски – при том, что автору нет ещё и пятнадцати!

Масло. 9,2×10,5 см. 1950-е

Летом 1957 года мы с ним поехали поступать в Московский архитектурный институт. Такая идея нам и в голову бы не пришла, если бы туда

Летний этюд. К., м. 9,6×13,7

не пробивался столь упорно студиец постарше нас Виктор Миняков (пробившись с третьей попытки, он очень бахвалился этим достижением). Москва ещё бурлила от только что прошедшего первого Международного фестиваля молодёжи, на улицах то и дело попадались иностранцы, шли бойкие обмены значками. Вернувшись с одной из прогулок, Гена одной линией, не отрывая карандаша, нарисовал портрет чеха, с которым мы только что пообщались, – сходство было потрясающее.

Мне повезло, я поступил, а Гена вместе с Юрой Муравьёвым из Оренбурга начал работать в Обнинском институте ядерных исследований. Каждую субботу они приезжали к нам в общежитие, и комната расцветала их сдвоенным юмором. «Мы тут вам винца привезли», – нарочито ханжеским голосом однажды сказал Гена, выставляя бутылку чистого спирта.

Не имея специального образования, они в лучшем случае были лаборантами и всё же успели хватануть радиации: оба они умерли молодыми, с интервалом в один год. Однажды я глянул в оставленный Геной на столе блокнот. Доныне помню бросившуюся в глаза строчку: «тонкий, наглый, одинокий свист».

Уже больной, Гена вернулся домой и работал художником в газете «Ульяновский комсомолец». Мы часто виделись (я уже окончил институт). Гена избегал темы своей болезни, но ходил уже с палочкой: саркома начинала грызть его ногу. Когда у меня родилась дочка, пришёл Гена: «Ну-ка покажите вашего не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку...»

Жить ему оставалось чуть больше полугода. Юмор Гены, уже знающего страшный диагноз, стал в рисунках ещё мрачнее: на лужайке под музыку из магнитофона элегантный

«Бригантина поднимает паруса». К., м. 7×13,2. 1950-е

Палицын остров. К., м. 15,5x23,8. 1950-е

Автопортрет.
К., м. 11,9x10,5. 1954-1955

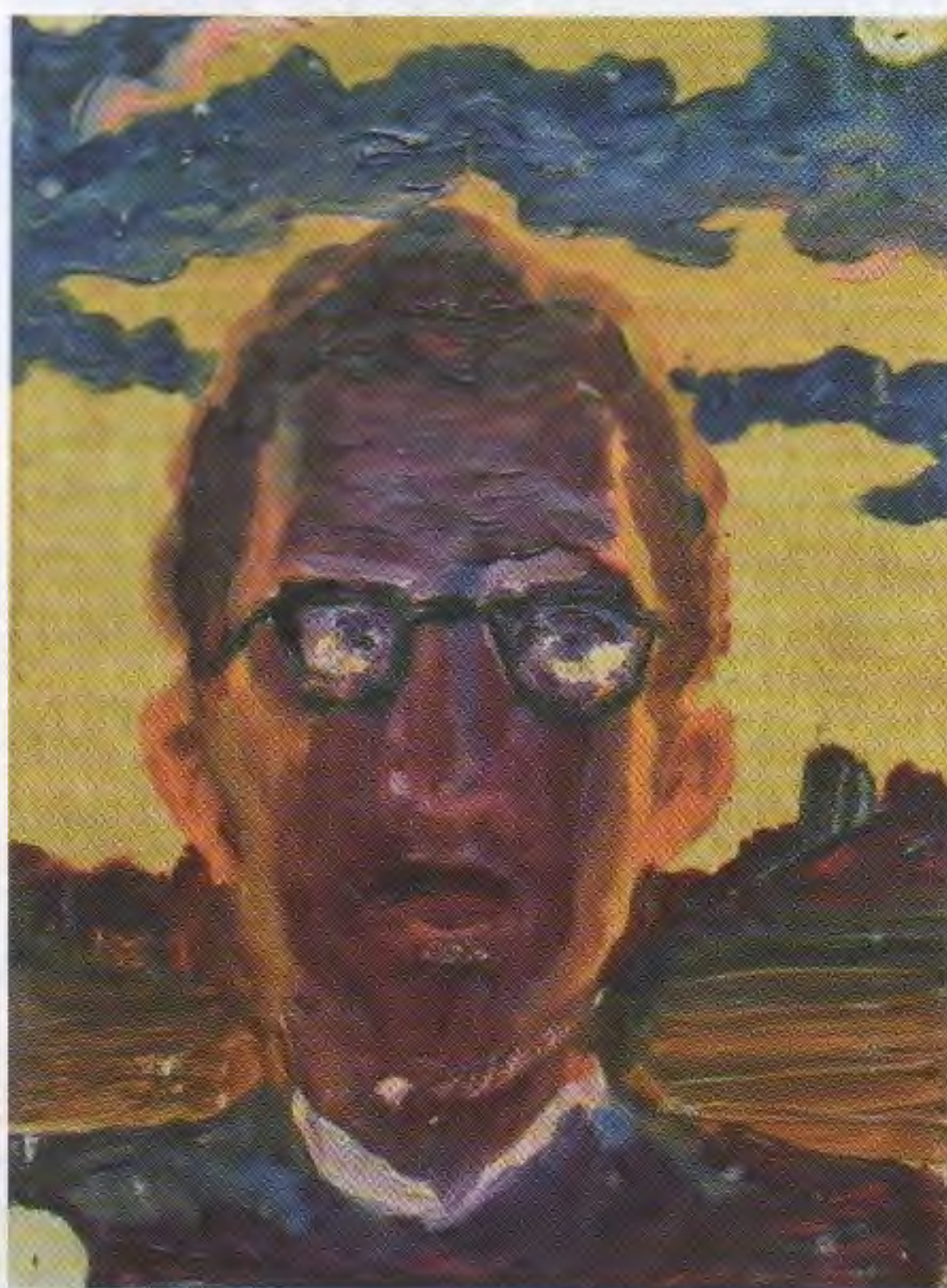

Портрет брата Виктора.
К., м. 14,4x10,5. 1950-е

убийца с бабочкой и модной бородкой аккуратно наматывает кишки убитого приятеля. Тесак валяется рядом, а для пушного контраста на носу трупа весело распевает птичка...

Потом он только лежал – исхудавший, красивый (он всегда напоминал мне Жерара Филипа), под одеялом холмом бугрилась пожирающая его нога. Как мужественно он выносил адские боли! И думалось о великой несправедливости судьбы к этому талантливому двадцатипятилетнему (!) человеку.

В книге Владимира Пыркова «Колокола под снегом» предполагался рассказ-зарисовка об их совместном походе на только что замёрзшие Сурские озёра. Было ещё темно, до зари. Вдруг из камышей выбе-

жала огненная лисица. Гена вскинул ружьё... и опустил его. Пырков писал:

Тогда до азарта
мы молоды были.
Жестокость? Бездушие?
Всё ни при чём.
Мы молоды были,
мы просто забыли,
Мы просто забыли,
что он обречён.

Я берегу с десятков рисунков и этюдов Геннадия Ахматова и каждый раз, доставая их, поражаюсь талантливости совсем юного художника.

Лев Нецветаев

Рисунки-фантазии. Тушь, кисть, перо. 1950-е

